

Перовский Василий Львович

**Воспоминания о сестре Софье
Перовской**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
В19

В19 **Василий Львович П.**
Воспоминания о сестре Софье Перовской / Перовский Василий Львович – М.: Книга
по Требованию, 2023. – 118 с.

ISBN 978-5-521-27773-5

ISBN 978-5-521-27773-5

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2023
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

ПРЕДИСЛОВИЕ.

После многократного обдумывания я пришел к выводу, что написать полную биографию сестры моей, Софьи Львовны, задача мне не по плечу, и потому, чтобы не испортить дела, мне лучше и не браться за нее.

Однако, несомненно, что для будущего биографа необходимо все, что может осветить те условия, в которых родилась, росла Софья Львовна и в которых сложился ее характер. Я думаю, что в этом отношении для биографа очень важна жизнь всей семьи, в которой протекала первая половина жизни Софьи Львовны. Этому могут помочь только мои воспоминания, потому что я единственный член этой семьи, оставшийся в живых. К сожалению, мне приходится сознаться, что в этом отношении мои воспоминания далеко не удовлетворительны; но, что поделаешь — на 75-м году из памяти немного что можно извлечь.

Не меньшее значение имеют мои воспоминания, как опровержение многочисленных рассказов, как в статьях, писанных современниками и соучастниками в освободительном и революционном движении, в которое целиком ушла короткая жизнь сестры моей, так, еще более, в опровержение таких биографий, как Ашешова, самый тон которой резко дисгармонизирует с действительным образом Софьи Львовны, так что отдельные поправки, фактические, пожалуй, мало помогут.

Все-таки, думаю, что, как для биографа, так и для читателей моих воспоминаний, они будут не совсем безынтересны и бесполезны. Из них будет ясна малая положительная роль отца в формировании характера Сопи; скорее он действовал на нее как отрицательный пример, порой сильно отталкивающий. Главным же положительным фактором была наша мать, с ее любвеобильной душой и отзывчивостью ко всему прогрессивному, что ворвалось в жизнь ко времени юности сестры.

Моя роль в жизни сестры сводилась, во время детства ее, к почти постоянному соучастию в играх и времяпрепровождении, а со времени Сониной юности, во-первых, — к доставлению книг для общего чтения и, во-вторых, — к соучастию в умственном и нравственном перерождении под влиянием этого чтения. Но в этом отношении сестра очень скоро меня опередила и обнаружила самостоятельность.

Жизнь Сопи на нелегальном положении шла уже целиком вдали от меня, и о ней могут рассказать только ее близкие друзья и сотрудники. Я могу передать только о свиданиях с матерью в имении матери под Севастополем, перед взрывом московского поезда, а также перед судом после 1 марта.

I.

Отец наш, Лев Николаевич, был вторым, по старшинству, сыном Николая Ивановича Перовского, служившего в молодости по министерству иностранных дел и бывшего довольно долго студентом миссии (как значится в его формуляре) в Пекине и в Дании. Затем дед был вице-губернатором Таврической губернии и Керченским градоначальником, а под конец — губернатором той же губернии, но недолго; выйдя в отставку, он жил безвыездно до самой смерти в имении своем — Кильбурун, в десяти верстах от Симферополя, по южнобережной дороге.

Хотя дед был сыном Алексея Кирилловича Разумовского и старшим братом остальных Перовских: Алексея, Льва, Василия, Бориса и сестер — Марии и Ашны, но, не знаю почему, он назывался, по батюшке, Ивановичем, тогда как все они назывались Алексеевичами.*

Мать наша, Варвара Степановна, была дочерью Степана Семеновича Веселовского и Луизы Петровны, урожденной Долгово-Сабуровой.

Всех нас детей у родителей было четверо: Николай, родившийся в 1845 г., Мария, родившаяся в 1847 г., я — Василий, родившийся в 1849 г., и Софья, родившаяся в 1853 г., только не помню, в июле или в августе.

* На могильной плите в Кильбуруне он назван Алексеевичем.

Отец наш родился в Петербурге в 1814 г. Восприемниками его были Алексей Кириллович Разумовский (вероятно, родной дед) и, кажется, княгиня Шаховская. Он воспитывался в Царскосельском пансионе (при Николае I), а по раскасировании его отдан был, с братом его Алексеем, в институт инженеров путей сообщения, который и окончил в 1831 г. — так значилось в бумагах архива института, где я искал копию его метрического свидетельства. Работал отец некоторое время на Ладожском канале, но вскоре перешел на военную службу в Измайловский или какой-то гренадерский полк; попал в адъютанты к корпусному командиру Ушакову и, кажется, во время маневров в Могилевской губернии познакомился с моей матерью, Варварой Степановной, жившей у своей матери, Луизы Петровны, в ее имении Церковье, Могилевской губернии, Гомельского уезда, вблизи местечка Чечерск.

После женитьбы отец вышел в отставку и перешел на службу в петербургскую таможеню. Рассказывала мать, что как-то раз отец, выезжая в шлюпке на взморье, для осмотра судна, взял ее с собой; в это время поднялся сильный ветер, шлюпку качало, заливало водой и едва не перевернуло. После этого случая мать испытывала панический страх к воде и ни за что не соглашалась больше садиться в лодку или даже на пароход; точно так же, вероятно, с этого времени, она до крайности боялась езды в экипаже на лошадях, в особенности ночью.

Только меня выкормила мать сама, а всех остальных выкармливали кормилицы.

У меня живо сохранилась в памяти сцена крестин Соии. Крестным отцом был дядя наш, младший брат отца, Петр Николаевич, а крестной матерью — наша бабушка, мать отца, Шарлотта Петровна. Соня представляется мне на руках у кормилицы, одетой в яркого цвета сарафан, и бабушка накидывает на Соню золотой крест на яркой пунцовой ленте.

Вероятно, в 1854 г. или, может-быть, в 1853 г., мать с нами троем, исключая брата, жила довольно долго у матери своей, Луизы Петровны, в Церковье. Там я и Маша болели корью: мы лежали у матери в ее комнате, помнится, с закрытыми ставнями окнами. Брат Николай был уже отдан в пансион Кузнецова в Петербурге. В Церковье жили еще две сестры матери: старшая — Юлия Степановна, болевшая ногами и не выходившая из своей комнаты, и младшая — Евгения Степановна, впоследствии умершая у нас на квартире в Петербурге. Помнится, она катала нас с Машей зимой на санках и как-то раз поехала с нами двоими за почтой в Чечерск. На каком-то ухабе санки чуть не перевернулись; тетка выпала и упустила возжи, а мы остались в санях; лошадь побежала рысью; тетка не могла ее догнать и, с перепугу, стала нам что-то кричать; к счастью, встречный крестьянин остановил лошадь.

За время пребывания в Церковье у меня ничего не сохранилось в памяти о Соне. Вероятно, она была на руках у кормилицы, а я все время проводил на дворе со старшей сестрой, Машей.

Помнится мне, что в Церковье мать выучила меня читать, конечно, еще по старому способу, и с ее помощью я читал евангелие. Когда дело дошло до страданий Христа и его казни, то я заливался горькими слезами, да, вероятно, и мать, глядя на меня. Помню также, что мать, тогда очень религиозная, учила меня ежедневно перед сном произносить молитву, стоя на коленях перед иконами, в углу комнаты.

То же без сомнения проделывала мать и с Соней в первые годы ее раннего детства. Однако, это продолжалось недолго, потому что, со дня поступления в гимназию в Симферополе, я уже не помню совершенно о чтении молитв перед сном. Припоминается мне, что Соня впервые допущена была к исповеди у священника, впрочем, у нас на дому. Соня рассказала матери, какие вопросы и наста-

вления задавал ей священник. Они были и смешны и глупы, что, наверное, чувствовала Соня. Уже в Петербурге я не помню, чтобы она бывала у исповеди.

Затем вспоминается мне уже жизнь в Петербурге. Раз как-то вечером, когда мать, сидя за большим столом, разливала нам чай, Соня, очевидно, уже кое-как ходившая, незаметно для матери подойдя к столу, потянулась рукой к подносу с самоваром, под крапом которого стоял стакан с чаем, только что налитый матерью для отца; ухватила она за блюдечко и опрокинула стакан целиком на себя. Не помню, кричала ли сильно Соня при таком ожоге; отец побежал за ближайшим доктором, а мать обсыпала обожженные места белым порошком, вероятно пудрой, и, обложив толстым слоем ваты, уложила Соню на турецкий диван, в той же комнате, и она скоро заснула. Доктор одобрил действия матери и успокоил относительно последствий. Не знаю, было ли это результатом ожогов, но мне помнится, что у Сони одно время голова была покрыта струпьями. Очень может быть, что это было раньше описанного случая, так как при воспоминании об этом Соня рисуется мне на руках у няньки или кормилицы.

II.

Вообще из времени раннего детства у меня сохранилось в памяти очень мало. Помнится, что мы жили на Горюховой, вблизи строящегося моста на Фонтанке; мимо наших окоп провозили огромные железные балки. Кроме того, помнится, сильное впечатление на нас произвело посещение выставки разных животных и, главным образом, птиц: попугаев, лебедей и страусов, устраивавшейся в круглом сквере позади Биржи и Академии Наук на Васильевском острове. В это время у отца был серый попугай, наш общий любимец, которого отец учил произносить раз-

ные слова и даже фразы на потеху гостей, исключительно приятелей и сослуживцев отца и наших родных.*

Кажется, в 1856 г. брат отца, Петр Николаевич, должен был отправиться в Китай с миссией министерства иностранных дел, по поводу Уссурийского края, а бабушка Шарлотта Петровна, жившая у него, уезжала в Крым к деду Николаю Ивановичу. Дядя занимал казенную квартиру на Мойке, в пажьем этаже здания министерства иностранных дел, и мы временно переехали в нее. Помнится мне, как-то раз, приблизительно, в это время, отец водил нас, меня и брата, к своему дяде, Василию Алексеевичу Перовскому, бывшему Оренбургскому генерал-губернатору и главнокомандующему Хивинского похода. Торжественная и величественная обстановка и суровое выражение лица большого старика произвели на меня устрашающее впечатление, хотя при прощании дед подарил нам по золотому червонцу. Помню также посещение отцом с нами в Царском Селе другого дяди, Бориса Алексеевича, бывшего воспитателем двух сыновей Александра II и жившего в здании дворца. Там мы чувствовали себя свободнее, так как это было летом, и мы играли в мяч с двумя младшими дочками Бориса Алексеевича, бывшими почти одних лет с нами. Отец, очевидно, пользовался покровительством этих высокопоставленных родственников.

Однако, мать наша, выросшая в провинциальном обществе, чувствовала себя очень неловко в высших кругах и потому очень тяготилась визитами в эту среду, что было главной причиной столкновения ее с отцом.

Она, по ее рассказам, девочкой была отдана в частный пансион, содержимый какой-то француженкой, в котором

* В последнее время (перед отъездом во Псков) отец служил в государственном банке; как-то раз ходили мы смотреть, как жгли в железной клетке, в палисаднике, против Казанского собора, негодные бумажные денежные билеты.

главное внимание обращалось на правила внешнего приличия, на манеру держать себя, для чего ей даже довольно долго пришлось носить доску на спине, чтобы привыкнуть держаться прямо. В пансионе этом она выучилась кое-как говорить по-французски, конечно, только пустым салонным разговорам, да чтению кое-чего из классической французской литературы; взрослой же девушкой она жила все время в деревне у своей матери, бывала в гостях только у своих ближайших родственников и читала только то немногое, что попадалось в домашних библиотеках.

В Петербурге же у отца средства были очень ограничены; он жил на одно только жалованье, так как от своего отца, жившего тогда безвыездно в своем крымском имении Кильбурун, близ Симферополя, он ничего не получал; поэтому у отца бывали запросто немногие родные, да некоторые сослуживцы и товарищи по военной службе. Дядя Петр Николаевич, никогда не служивший на военной службе, не особенно также льнувший к военным кругам, бывал у нас довольно часто и радушно относился к матери; с отцом же у них взаимные отношения были не особенно сердечные, потому что характеры и вкусы их не очень-то подходили друг к другу. Петр Николаевич был младшим сыном бабушки, Шарлотты Петровны; она особенно любила его и, когда приезжала в Петербург, то всегда подолгу жила у него на квартире. Мама поддерживала с ней всегда хорошие отношения.

Все свое время мать отдавала заботам о нас, детях, да хлопотам по хозяйству. В это время она перетянула к себе младшую сестру свою, Евгению Степановну, вскоре заболевшую тифом и, к большому горю матери, умершую у нас. Чаще всего мать посещала своего старшего брата Константина Степановича Веселовского, кажется, тогда уже ставшего непременно секретарем Академии Наук. К нему мать всю жизнь относилась с особенным уважением и почтением.

Семья Перовских в Петербурге (1856 г.).
Николай. Варвара Степановна с Соней. Мария. Лев Николаевич. Василий.

III.

В конце 1856 г., когда Петр Николаевич уехал с миссией в Китай, отец был назначен вице-губернатором во Псков. Мы, перед отъездом, снялись, всей семьей, у фотографа, кажется, даже первого в Петербурге — Денъера. Эта группа сохранилась у меня сейчас,* а также группа из нас троих, — меня, брата и Маши, — раскрашенная красками. Обе эти группы в рамках всегда висели у отца в кабинете (в числе прочих фамильных портретов). В то же время спята была Соня отдельно, сидящей на стуле (кажется, дагерротип, подрисованный красками).

Во Пскове отец нанял квартиру в одном из лучших деревянных домов с мезонином у местного купца Курбатова; около дома был порядочный сад, частью фруктовый, с краю которого находилась старая деревянная баня и небольшой пруд, изобиловавший карасями; около него рос старый, искривленный каштан, на который мы постоянно лазили и под ним играли; в этом же саду устроили для нас качели, а зимой, у самого пруда, сооружалась ледяная гора. Сад этот, невысоким, дощатым забором отделялся от сада при губернаторском доме. Губернатором был Валерьян Николаевич Муравьев, вдовец; у него был единственный сын Николай (немного старше меня), бывший причиной смерти матери при своем рождении; отец в нем души не чаял и исполнял все его причуды. У Коли была гувернантка, бонна, как тогда называли, неотлучно находившаяся при нем.

Вскоре после нашего поселения в доме, мы, играя у баши, слышали голоса за забором и, вскарабкавшись на него, увидели Колю с коляской, запряженной мулом; Коля, вп-

* Копии с нее находятся в музеях революции в Ленинграде и Москве, а также в обществе бывших политкаторжан в Москве.